

ПОЭЗИЯ О ТРАГИЧЕСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ «КАНАРЕЕЧНОГО ТЕКСТА» И. А. БУНИНА, С. А. ЕСЕНИНА И ДР.)¹

Реконструируется биографический подтекст стихотворения И. А. Бунина «Канарейка» (1921). Коммуникативный статус, а также «параллельное» чтение стихотворения и документальной прозы (мемуаров, писем и т. п.) Бунина указывают на интерференцию двух историй – певчей канарейки и поэта-эмигранта. Выявляется авторское отношение к событиям, произошедшим в России 1917 г., через имплицитную связь последней с «чудным островом» и Атлантидой. Исследование «канареечного текста» этого периода позволяет вписать Бунина в контекст и репрезентировать специфику литературного диалога.

Ключевые слова: русская литература, И. А. Бунин, поэзия, автобиографический жанр, подтекст, литературные связи.

И. А. Бунин преимущественно поэт-пейзажист. Лишь «...в некоторых стихотворениях он отдает дань мифологизму... однако в целом развивает традиции реализма, доводя до предела точную описательность и зоркую отстраненность в отношении к природе» [1], присущую пейзажной лирике А. Майкова и Я. Полонского. Уже А. А. Блок отметил «холодность» лирики Бунина, «отсутствие тех мятежных исканий, которые вселяют тревожное разнообразие в книги “символистов”» [2, с. 144]. Вл. Ходасевич, объясняя феномен бунинской лирики, писал, что поэт «изгнал сильнейший фермент лиризма» [3]. Знаковой в случае Бунина является запись, сделанная Г. Н. Кузнецовой в дневнике 5 декабря 1927 г., о том, как мало у него «вообще своего, личного в поэзии»: «Я много думала над этим и пришла к заключению, что непопулярность его стихов – в их отвлеченности и скрытности, прятаний себя за некой завесой, чего не любит рядовой читатель, ищущий в поэзии прежде всего обнаженной души» [4, с. 41].

«Скрытность», «прятание себя за некой завесой» в некоторой степени сближает «реалистичную» лирику Бунина не только с символистской поэтикой, но и с криптограмматическим письмом постсимволистов. Подобной бунинской криптограммой можно назвать стихотворение «Канарейка» (10.V.1921), одно из нескольких десятков, написанных в эмиграции. Эмиграция трагически надломил писателя, однако именно в это время идет активное осмысление пройденного пути, а следовательно, размышление о месте в мире человека / поэта / Бунина.

Наличие в тексте И. А. Бунина местоимения 3-го лица «она» позволяет «говорить о “герое” лирического стихотворения» [5, с. 476]. Более того, формально в стихотворении 1-е лицо никак не представлено, т. е. «я» не эксплицировано.

Первый катрен – это история о жизни обыкновенной певчей птички семейства вьюрковых – канарейке. Канарейку достаточно трудно идентифицировать с реальным адресатом, речь, скорее всего, идет о канарейке вообще. Это в некоторой степени подтверждает эпитафия, взятая автором из словаря А. Брема «На родине она зеленая...» [6, с. 11]. Отсылка к подобному источнику – словарю – это маркер типизации и, следовательно, объективизации истории. Все это указывает на близость первого катрена жанру новеллы с объективизированным повествованием. Текст «Канарейки» является типичным образцом жанрово-родового синкретизма: лирическая форма и образность не отменяет сюжета («Канарейку из-за моря / Привезли, и вот она...» [6, с. 11]) и драматической коллизии. Причем последняя сближает историю канарейки с жанром новеллы.

Внутристиховая пауза, возникшая вследствие переноса, симметрично делит 2-ю стихотворную строку. Это, как, впрочем, и частая повторяемость пиррихий, прозаизирует стих, становится фиксатором разговорной интонации. Более того, перенос метрически, а значит, и семантически выделяет конец 2-й стихотворной строки: «и вот она», что обозначает переломный момент в истории о канарейке. Так, перенос оформляет пуант: «была зеленая / стала золотой». По свидетельству А. Брема, канарейка в местах своего обитания имеет зеленую окраску под цвет природы, частью которой она является. Но когда ее «неволят» и тем более увозят далеко от привычной среды, она становится желтой [7, с. 451]. В интерпретации автора – «золотой». Сема «золотая» характеризует птицу дорогой, но мертвой вещью, воспринимаемой на чужбине механической игрушкой, пространство которой сужают до «клетки». Таким образом, основной

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (тема: «Интертекстуальность текстов различных функциональных стилей в сравнительно-переводческом аспекте»; 1.4, II очередь, Лот № 4).

пуанта становится внешняя метаморфоза, репрезентирующая «внутреннюю» жизнь канарейки. Перекрестная рифма эксплицирует переживания, сообщая дополнительный смысл: «она – пленена», «горя – моря».

Второй катрен несколько противоречит объективной логике, заданной автором в первом катрене. Обращение («Птицей вольной, изумрудной / Уж не будешь, – как ни пой...») указывает на имплицитное «я» – того, кто обращается. Более того, обращение и императив становятся знаками того, к кому обращаются. Здесь «выпадает», но может быть восстановлено местоимение «ты». Его отсутствие создает иллюзию единой коммуникативной парадигмы. На самом деле переход от «она» в первом катрене к «ты» во втором катрене свидетельствует о коммуникативном сдвиге внутри текста. Смысл подобной «невязки»: «выпавшее» «ты» отличается сильной автокоммуникативностью, а потому должно быть скрыто. 6-я стихотворная строка только формально фиксирует несовпадение «я» и «ты». На деле именно она обладает автокоммуникативной интенцией. Так, Ю. И. Левин отмечает, что это «ты», отчасти совпадающее с «я» (или включающее его), отличается «большей степенью интимности – при сохранении не меньшей степени общезначимости» [5, с. 477]. Кроме того, знаком автокоммуникативности являются переносы, тире, интонационно выделяющие фразу «уж не будешь», а также восклицательный знак в заключительной строке. Это формальные корреляты эмоций имплицитного «я», аналоги вздоха, смятения, взволнованности и т. п.

Общеизвестно, что «лирика подает субъективное как общее» [5, с. 468]. Однако в данном тексте происходит несколько иначе: предельно обобщенное имплицитно интимно личное. Причем репрезентирует это, кроме сдвига в коммуникативной парадигме, эпиграф и подтекст стихотворения.

Эпиграф на поверку оказывается не точной цитатой, а «конспектом» статьи А. Брема. С одной стороны, он создает иллюзию правдоподобия, с другой – является фиксатором длительных размышлений автора над материалом статьи известного зоолога.

В первом катрене аналогия поэта и птицы только намечена, во втором катрене история птицы и поэта совмещается, завершая намеченную идентификацию. На интерференцию (т. е. наложение) двух историй – певчей канарейки и поэта-эмигранта, в частности самого автора, – указывают совпадения ключевых слов текста стихотворения с фрагментами из дневников Буниных 1920 г.

При параллельном чтении стихотворение приобретает иную перспективу, начинает звучать по-новому: «4 янв./6 февр. (пятница). Отыскали наш

пароход, «Спарту», маленький, не внушивший доверия. <...> ...Получили крохотную каютку. 25 янв./7 февр. Наконец, пароход так переполнен, что нужно говорить: «Нет». Это ужасная минута – бегут обреченные люди, молят о месте и им отказывают... <...> Одно ясно, что многие попали в ловушку. 27 янв./9 февр. (понедельник). Последний раз увидела русский берег. Заплакала. Тяжелое чувство охватило меня. <...> Мы в открытом море. Как это путешествие не похоже на прежние. Впереди темнота и жуть. Позади – ужас и безнадежность...» [8, I].

Так, канарейка ассоциируется с самим собой, некогда привезенным на французском корабле «из-за моря» на чужбину. И, конечно, эта аналогия осмыслена и вписана в более широкий контекст. Об этом свидетельствует фрагмент письма А. Н. Толстого из Парижа 1919 г., дословно записанный Буниным в мемуарах «Третий Толстой», вошедших в книгу «Под Серпом и Молотом» (1949): «...тогда точно ветер подхватил нас, и опомнились мы не скоро, уже на пароходе. Что было перетерплено – не рассказать. Спали мы с детьми в сыром трюме рядом с тифозными, и по нас ползали вши. Два месяца сидели на собачьем острове в Мраморном море. Место было красивое, но денег не было...» [9].

В заключительных строках знаковым является противопоставление чужбины («трактирная толпа») и родины («чудный остров»). Символична аналогия чужбины с трактиром, «питейно-закусочным» заведением типа ресторана, расположенным на тракте – большой, почтовой дороге, ездоком пути. Трактир с вечной толпой стирает всякий намек на ореол, связанный с домом, гнездом-усадебой.

Далекая родина названа «чудным островом», с точки зрения сюжета эта номинация ассоциируется с раем. Тем более остров, земля, окруженная водою, плодородное место среди бесплодного, оазис, зеленец. Однако сема «чудный» имеет бивалентную семантику. С точки зрения В. И. Даля, это превосходный, прекрасный, но и удивительный, необычайный, странный, непонятный, сомнительный, необъяснимый (чудо-юдо) [10, с. 483].

«Чудный остров» – это прежде всего аллюзия на остров Канары, откуда была завезена на континент канарейка. Многие считают, что острова получили название от канареек, хотя это не так. Все породы канареек, существующие в мире, происходят от дикой канареечной птицы, «serinus canarius». Римский историк Плиний Старший свидетельствует: Джуба, Король Мавритании и вассал Рима в I в. до н. э., послал экспедицию, чтобы исследовать мифические Счастливые Острова, которые находились в темном Океане за Геркулесовыми Столпами (Гибралтарский пролив). На одном из них экспедиторы нашли жестокую породу собак и потому на-

звали его «Canaria», что дословно переводится «Собачий остров» и восходит к латинскому слову «canis» – собака [11, с. 287].

Кроме того, номинация «чудный остров» отсылает к пушкинскому претексту, в частности к «Сказке о царе Салтане...»: «...чудный остров навещу у Гвидона погощу» [12, с. 321]. «Чудный остров» – это намек на Россию – страну, где возможны любые чудеса: может за ночь вырасти город (исследователи указывают на связь пушкинского чудного острова с «городами и церквями» и чудно построенного Петром I Петербурга) или произойти революция, после которой Россия в прямом смысле превратилась в остров, изолированный от всего мира¹. Таким образом, через пушкинский претекст реализуется имплицитная связь «чудного острова» и России, из которой были вывезены в 1917 г., как некогда с Канар канарейки, эмигранты². Сама канарейка была объявлена символом «обывательщины» – «канареечного уютчика» (В. В. Маяковский).

Любопытным представляется и тот факт, что «чудный остров» можно соотнести с Атлантидой. Атлантологи начиная с диалогов Платона «Тимей» и «Критий» и заканчивая трудами И. Доннелли «Атлантида: Мир до потопа» (1882) и Л. Спенса «Атлантида. История исчезнувшей цивилизации» (1924) указывают, что Канарские острова являются остатками затонувшего материка Атлантиды, который описал Платон. В творчестве Бунина коннотации этого мифа были исследованы М. А. Слинько на материале рассказа «Господин из Сан-Франциско» (1915) в контексте эмигрантской прозы Д. С. Мережковского [13]. Примечательно, что в статье отмечен частный случай функционирования указанного мифа в поэтике Бунина. Бунин действительно только однажды упоминает об Атлантиде в названном рассказе. Однако в данном случае немаловажным является то, что в дневниках Буниных эмигрантская литературная жизнь моделируется по аналогии с символистскими симпозиумами в России. А, как известно, эсхатологические чаяния начала века неизменно вращаются вокруг мифа о гибели Атлантиды, что и реализовалось прежде всего в символистской лирике В. Брюсова, Вяч. Иванова, М. Волошина и др. Все это было подхвачено русской эмиграцией, которая ос-

мысляла гибель старой России как крушение Атлантиды: «Потом Ян рассказывал, как Володя... говорил, что по Мережковскому Атлантида погибла от черной магии и “Содома”» (2 сентября. 1930) [20, II]. Уже в 1920-м г. литература мыслится как нечто особенное – «в некотором роде хранильница России» [8, II].

В дневниках Буниных, описывающих эмигрантские «пиры», неизменно упоминается Атлантида. По материалам дневников можно заключить, что в разговорах об Атлантиде ведущая роль принадлежит Д. С. Мережковскому. Так, в беседе о литературе, в частности об А. А. Блоке, якобы ощущавшем «женское начало», возникает связь времен Атлантиды, когда «Богом считали женское начало» [8, II], и России: «...и вот Блок ощущал это. Он знал тайну. Когда он входил, то я чувствовал за ним Прекрасную Даму» (2/15 августа. 1921) [8, II].

Затем эта тема возникает в дневниках 1929 г. в связи с книгой Д. С. Мережковского «Тайна Запада: Атлантида-Европа» (1930) – второй части трилогии о спасении человечества, повествующей о катастрофичности современного мира, которому грозит участь «новой Атлантиды». Судя по дневниковым записям, Бунины иронично относились к увлечению Д. С. Мережковского, о чем свидетельствует запись от 20 марта 1929 г.: «Дм. С. хочет читать об Атлантиде и ею обрабатывать «молодежь» [8, II]. Однако, несмотря на это некоторые аспекты подобных увлечений отразились в творчестве Бунина, и не только в упомянутом рассказе, который близок русской символистской лирике об Атлантиде и в какой-то степени предвосхищает эмигрантскую прозу Д. С. Мережковского. «Чудный остров» – Канары, а попросту «Собачий» – является квинтэссенцией размышлений не только о собственной «канареечной» судьбе, но и о новой России. В мемуарах «Окаянные дни» (Одесса, 1919) от 9 июня Бунин делает две записи: «Блеск звезды, в которую переходит наша душа после смерти, состоит из блеска глаз съеденных нами людей...» (из древнейших дикарских верований) и «Честь унижится, а низость возрастет... В дом разврата превратятся общественные сборища... И лицо поколения будет собачье...» (библейская строка). Вторую цитату он комментирует: «Теперь это звучит не так

¹ В частности, Д. Н. Медриш указывает на параллель между столицей на острове Буяна и столицей на Неве в «Медном всаднике». Это, с позиции М. Новиковой, инспирирует «далеко идущий принцип зеркального контраста: между “русской утопией” Буяна (В. Непомнящий) и “русской антиутопией” заколдованного медного царства». См. работы: Медриш Д. Н. Путешествие в Лукоморье. Сказки Пушкина и народная культура. Волгоград, 1992; Новикова М. Пушкин в зеркале фольклора // Новый мир. 1995. № 4. С. 242–244.

² В XVI в. колонизаторы издали закон, по которому канареек нельзя было вывозить с острова под страхом наказания. Впоследствии канареек начали ввозить в Европу, где они через некоторое время получили широкое распространение. Существует легенда, что канарейки появились в Европе благодаря кораблекрушению: испанский корабль, перевозивший птиц, потерпел крушение близ Италии [Канарейка, или канарский канареечный выюрок, <http://www.zoovet.ru/animals.php?vid=48>].

уж архаично»¹ [14]. Революция осмысливается не только как стихия, но и как каннибализм, отсюда «подобие» советских граждан собакам. Собаки, найденные на Канарских островах, все, что осталось от некогда прекрасной Атлантиды. Эта аналогия восходит не только к труду Плиния Старшего, объясняющего название Канарских островов, но и к библейскому сюжету о народе хананей (или ханане) – жители земли Ханаанской и потомки Хама. С Ханааном иногда отождествлялись страны кинокефалов и антропофагов, уроженцем которых, по некоторым древним источникам, являлся святой Христофор псеглавец². Приняв крещение, он вместе с новым именем обретает и человеческий облик³.

Также эта аналогия могла быть инспирирована литературными источниками. «Собачий текст» рубежа веков обстоятельно проанализирован И. П. Смирновым, исследован, в частности, сюжет о превращении поэта в собаку на материале лирики Ф. Сологуба и В. Маяковского. Среди всего прочего исследователь упоминает: Маяковский шуточно подписывался «Щен» [15, с. 190]; следует заметить, что поэт часто называл себя Хамом. Эпатажные автохарактеристики были свойственны В. В. Маяковскому. С. А. Есенина называет «хамом» критик П. С. Коган в комментариях к стихотворению «Хулиган» (1920): «...мужицкой бунтующей России Есенин так же близок, как и России кроткой, смиренной. <...> Он – разбойник и хам и по крови степной конокрад» [16, I, с. 569].

Еще один источник подобных характеристик и автохарактеристик – провиденциальная статья Д. С. Мережковского «Грядущий хам» (1906).

И. М. Василевский указывал, что Бурцев с Ив. Бунинным и Мережковским и пр. не имеют «в лексиконе иных о России, кроме слов “хамы”, “сволочь”, “германское золото” и т. п.» [17, III/2, с. 103–104]⁴.

Судя по всему, «собачья» составляющая как в литературных, так и околотрадиционных кругах достаточно основательно была отрефлексирована Буниным. В первой части «Окаянных дней» («Москва. 1918 г.») Бунин писал: «...Ну, а вы-то, не вылезавшие из “Медведей” и “Бродячих Собак”? Новая литературная низость, ниже которой падать, кажется, уже некуда...» [14]. Позднее, уже в эмигрантский период, в берлинской газете «Огни» (№ 1) Бунин публикует статью «Страна неограниченных возможностей». Само заглавие статьи, в которой речь идет, конечно, о России, удивительным образом коррелирует с номинацией «чудный остров». Кроме того, как раз в этой статье Бунин определяет генезис «собачьей» литературы: «Первый русский “декадент” Емельянов-Каховский привязывал себе собачьи когти к пальцам, надевал прямо на белье бурку, на голову папаху, а на глаза черные очки и гулял в таком виде по Тверскому бульвару. Однако же это было, и ведь этот Емельянов родоначальник всех этих Брюсовых, Есениных, Шершеневичей, Луначерских, Маяковских» [17, III/1, с. 165].

В «Материалах к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» (2000) Н. А. Кожевниковой и З. Ю. Петровой уподобление поэта канарейке зафиксировано только в лирике С. А. Есенина [18]. В «Стансах» (1924) утверждает: «Я вам не кенар! / Я поэт!» [16, II, с. 135]. И в стихотворении «Быть поэтом – это значит то же...» (1925)

¹ Ср.: «Нас, рассеянных по миру, около трех миллионов». <...> И вновь, и вновь исполнилось таким образом слово Писания: “Вот выйдут семь коров тощих и пожрут семь коров тучных, сами же от того не станут тучнее... Вот темнота покроет землю и мрак – народы... И лицо поколения будет собачье...” Но тем важнее миссия русской эмиграции. <...> Что произошло? Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека». См.: Миссия Русской эмиграции (Речь Ивана Бунина, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 года) / И. Бунин. URL: <http://nicolor.org/history/re/missia/bunin>

² К сюжету о Христофоре псеглавце обращается Вяч. Иванов в незавершенной «Повести о Светомире Царевиче», ставшей художественным завещанием поэта, которая была начата, по свидетельству О. Дешарт, в 1928 г. Однако запись замысла, сохранившаяся в Пушкинском Доме, позволяет отодвинуть время возникновения его в гораздо более ранний период жизни поэта, а именно на начало мая 1894 г. В повести Христофор рассказывает царевичу о собачьей голове: «Знаешь ли ты как злая молва сия народилась? Людей то песеголовых никогда, нигде и не было. Народ же хананей еще в Ветхом Завете поминается. В долгих веках перебаили начетчики хананеев в кананеев, выдумали народ такой, небывалый. А язык хананеев они не разумели; за то его охаили, да и нарекли лаем. А слово канис ихнее на свое наречие перевели словом собака. Ну, и стали сказки сказывать про песьи головы людей. Все пустое» [I, с. 466]. См.: Иванов Вяч. И. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1 / под ред. Д. В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель, 1971. 872 с.; Обатнин Г. В. Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1992 год / отв. ред. Т. С. Царькова. СПб., 1994. С. 29–51.

³ По одной из легенд Христофор принадлежал к племени людоедов псеглавцев, о которых так часто говорится в греческих мифах. См.: Комлев А. Святой с собачьей головой – Христофор псеглавец. URL: <http://hesusvet.narod.ru/ico/books/komlev3/>; Нестерова О. Е. Христофор // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. II / гл. ред. С. А. Токарев. М., 2000. 695 с.

⁴ В статье «Грядущий хам» (1906) Д. С. Мережковский, обращаясь к «милым русским юношам», писал: «...одного бойтесь – рабства и худшего из всех рабств – мещанства и худшего из всех мещанств – хамства, ибо воцарившийся раб и стал хам, а воцарившийся хам и есть черт – уже не старый, фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, – грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам» [Мережковский, http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_0080.shtml].

Есенин сравнивает пение птиц (соловья и канарейки) с пением поэта, называя канарейку «жалкой, смешной побрякушкой» [16, I, с. 267]. В 5-м семистишии «Стансов» речь идет о заключениях поэта в тигулевке и, кроме того, упоминается о стихе про канарейку: «Благодарю за дружбу граждан сих, / Но очень жестко / Спать там на скамейке / И пьяным голосом / Читать какой-то стих / О клеточной судьбе / Несчастной канарейки» [16, II, с. 135]. Любопытна неопределенность стиха, причем местоимение «какой-то» становится знаком авторского невнимания. Ни Есенин, ни комментаторы его творчества не упоминают, о каком именно стихе идет речь. Можно предположить, что это стихотворение «Канарейка» (1859) Л. Мея, впоследствии ставшее известным романсом П. И. Чайковского «Говорит султанша канарейке...» (1874).

Не исключено, что С. А. Есенин имеет в виду песню Н. Г. Цыганова «Смолкни, пташка-канарейка» или какую-нибудь позднюю песню романсного образца с типичным запевом о «пташке-канарейке», например: «Все пташки-канарейки так жалобно поют», «А ты, пташка-канарейка» и др. Исследователь А. М. Новикова указывает, что песня Цыганова не закрепились в фольклоре, хотя в песенниках и в городской среде она была очень популярной. Так, например, она входила в репертуар очень известных в XIX в. хоров: И. Молчанова, Г. Соколова и М. Молодцова¹. Известно, что С. А. Есенин был любителем народной песни и знал репертуар Н. Г. Цыганова, в частности фольклорный вариант стихотворения «Ах ты, ночка моя, ноченька...», «Прощай, жизнь, прощай, радость моя...» [16, V, с. 138].

Впрочем, это не исключает возможность подразумевать под «каким-то стихом» «Канарейку» Бунина, косвенно, так как прямых указаний на это нами не найдено.

Известно, что стихотворение Бунина впервые было опубликовано в газете В. Л. Бурцева «Общее дело» (Париж, 1921 г., № 304, 16 мая) и только впоследствии вошло в книгу «Роза Иерихона» (1924) [7, с. 425]. Немаловажным является и тот факт, что в период его публикации в газете работал некто

А. Ветлугин (псевдоним В. И. Рындзюна, 1897 – после 1950?). Именно его Есенин вскоре после знакомства в Берлине пригласил... в Америку... на роль переводчика между ним самим и А. Дункан. Извлечения из «Стансов» достигли читателей русского зарубежья благодаря парижскому критику С. И. Португейсу. В комментариях указано: Бунин дал им «жесткую» оценку, «имея в виду, прежде всего, шестую и седьмую строфы произведения» [16, II, с. 437].

Все это, конечно, не без большой доли вероятности, позволяет предположить, что Есенину было знакомо это стихотворение. Канарейка олицетворяла в советской поэзии все «старое», поэтому не была принята ни С. А. Есениным, ни В. В. Маяковским. Последний вообще причислил канарейку к «прочей дряни» в одноименном стихотворении 1920 – 1921 гг. В стихотворении «Птичка божья» (1929) В. В. Маяковский называет канарейкой писателя-пейзажиста [19]. Знаковым является и то, что диалог, представленный в стихотворении, происходит между «мусье из канареек» и лирическим субъектом, ударяющим о стол не рукой, а «лапой»².

Также рассматриваемая аналогия появляется в повести «Собачье сердце» М. Булгакова, по сути представляющей попытку сотворения «нового» человека, кстати, тоже из собаки. Исследователи не настаивают на прямой параллели: жизнь Шарика до операции – предреволюционная Россия, операция – революция, после операции – 20-е гг. Однако такая параллель напрашивается сама собой³.

Это позволяет говорить о «канареечном тексте»⁴, репрезентирующем диалог Бунина с советскими поэтами, Есениным и Маяковским. Трагическое противостояние поэтов, главным образом отразившееся в публицистике – статьях, речах, отзывах и рецензиях, было характерно и для лирики. И если у Есенина и Маяковского оно было открытым, то в «герметичной» лирике Бунина оно реализуется имплицитно. Точкой отсчета трагического противостояния является 1917 г. Именно в этот период публикуется литературный фельетон Антона Крайнего (З. Н. Гиппиус) «Люди и нелюди» (апрель, 1918). К числу последних автор относит

¹ Новикова А. М. Русская поэзия XVIII – первой половины XIX вв. и народная песня: учеб. пос. М.: Просвещение, 1982.

² О сложных взаимоотношениях В. В. Маяковского с советской властью основательно исследовано В. Е. Головчинер на материале стихотворения «Прозаседавшиеся». См.: Головчинер В. Е. Контекст стихотворения В. В. Маяковского «Прозаседавшиеся» // Вестн. Томского гос. пед. ун-та («Tomsk State Pedagogical University Bulletin»). 2001. Вып. 1 (26). С. 50–57.

³ Об этом см.: Ленчик Л. Интеллигент и пес: Повесть М. Булгакова «Собачье сердце» в контексте русской мысли // Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI веков. Саратов, 2006. С. 197–208; Любомищенко Т. М. «Собачье сердце» М. Булгакова и миф о творении // Фольклор: традиции и современность. Таганрог, 2003. Вып. 2. С. 160–165.

⁴ Понятие «канареечный текст» употреблено по аналогии с «петербургским текстом», «суточным текстом» и др., введенным в литературоведческий обиход В. Н. Топоровым. Вслед за В. Н. Топоровым мы определяем «канареечный текст» как «своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл, на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте» [20, с. 274–275].

Есенина, «человекоподобное существо», примкнувшее к «власти сегодняшнего дня»¹. Эмигрантской среде был характерен и объективный взгляд на события, произошедшие в России, и поэтов, не решившихся ее покинуть [21]. В. Ф. Ходасевич писал, что Есенин с «Инонии» «высказался весь, до конца. После нее ему, в сущности, сказать было нечего. Слово было за событиями. Инония реальная должна была настать – или не настать. По меньшей мере Россия должна была к ней двинуться – или не двинуться. <...> Раньше, чем многие другие, со-

блаженные дурманом военного коммунизма, он увидел, что дело не идет не только к Социализму с большой буквы, но даже и с самой маленькой. Понял, что на пути в Инонию большевики не попутчики [16, II, с. 364].

Достаточно перспективным представляется включение в «канаречный текст», доминантой которого становится спор о судьбе России – «чуждом острове», погибшей Атлантиде (Бунин) или Инонии (С. Есенин), прозаических произведений Вяч. Иванова, М. Булгакова, М. Зощенко, И. Бродского и др.

Список литературы

1. Эпштейн М. «Природа, мир, тайник вселенной...» Система пейзажных образов в русской поэзии. URL: <http://www.nvkz.kuzbass.net/dworecki/other/e/4/bunin.htm>
2. Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5 / под общ. ред. В. Н. Орлова. М.; Л., 1962. 799 с.
3. Ходасевич В. Ф. О поэзии Бунина. URL: <http://imho-news.ru/virshi/old/texts/hodasevich/articles/hodbunin1.htm>
4. Кузнецова Г. Н. Грасский дневник Последняя любовь Бунина: роман. М., 2010. 379 с.
5. Левин Ю. И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю. И. Избр. тр. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 464–483.
6. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8 / под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. М., 1967. 470 с.
7. Брем А. Птицы: в 2 т. Т. 2 / коммент. В. В. Морозова. М., 1999. 588 с.
8. Грин М. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1810-1.shtml
9. Бунин И. А. «Третий Толстой». URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2672.shtml#16
10. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4 / В. И. Даль. М., 1989. 590 с.
11. Pliny. Natural history. With an English translation in ten volumes. Vol. II. Libri III–VII / by H. Rackham M. A.; Fellow of Christ's college, Cambridge. London; Cambridge, 1961. 692 p.
12. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. Л., 1977. 447 с.
13. Слинко М. А. О частном случае использования мифа в поэтике И. Бунина // Метафизика Бунина (К проблеме И. Бунина и «символисты» после символизма): межвуз. сб. науч. тр., посвящ. тв-ву И. А. Бунина / отв. ред. О. А. Берникова. Воронеж, 2008. С. 149–161.
14. Бунин И. А. Окаянные дни. URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2262.shtml
15. Смирнов И. П. Место «мифопоэтического» подхода к литературному произведению среди других толкований текста (о стихотворении Маяковского «Вот так я сделался собакой») // Миф – фольклор – литература: сб. статей / АН СССР, ИРЛИ (Пушкин. дом); отв. ред. В. Г. Базанов. Л., 1978. С. 186–203.
16. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю. Л. Прокушев. М., 1995–2002.
17. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: в 5 т. / отв. ред. С. И. Субботин; сост. В. А. Дроздкова, А. Н. Захарова. М., 2003–2008.
18. Кожевникова Н. А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1 / Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова; отв. ред. М. Л. Гаспаров В. П. Григорьев. М., 2000. 480 с.
19. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М., 1955–1958.
20. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследование в области мифопоэтического. Избранное. М., 1995. 624 с.
21. Шубникова-Гусева Н. И. Дискурс русской эмиграции о Есенине (1918–1945). URL: <http://www.esenins.ru/c62.html>

Капустина Е. А., кандидат филологических наук, доцент.
Алтайская государственная педагогическая академия.
Ул. Молодежная, 55, Барнаул, Россия, 656031.
E-mail: evkapustina@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 16.07.2012.

¹ О всеобщем «озверении», которое «растет по часам», о превращении изголодавшихся детей-зверей в «колбасных» большевиков подробно рассказывает в своих дневниках Гиппиус. См.: Гиппиус З. Н. Дневники. URL: http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_0070.shtml

Е. В. Капустина

POETRY ABOUT TRAGIC OPPOSITION (DATA: “THE CANARY TEXT” BY I. A. BUNIN AND S. A. YESENIN AND OTHERS)

The biographic sense of I. A. Bunin’s poem “Canary” (1921) is reconstructed in the article. The communicative status and “parallel” reading of the poem and documentary prose (memoirs, letters, etc.) have specified Bunin in the interference of two stories – a singing canary and a poet-emigrant. The author’s relation to the events, which have occurred in Russia of 1917, through the latent communication of the latter with “wonderful island” and Atlantis, comes to light. The research of “the canary text” of this period allows us involving Bunin into the context of recreated literary dialogue.

Key words: *Russian literature, I. A. Bunin, poetry, autobiography (genre), implied sense, literary connections.*

Altai State Pedagogical Academy.

Ul. Molodezhnaya, 55, Barnaul, Russia, 656038.

E-mail: evkapustina@yandex.ru